За рубежом.—1994.—4–10 февр. (№5).—С. 11.

Санкт-Петербург. Малый драм. театр

4-10.2.94.

«Дом» для театра Льва Додина

Французская газета посвятила проходящему сейчас в Париже русскому сезону большую статью, часть которой мы воспроизводим. Гостями Франции на этот раз стали театры Москвы и Санкт-Петербурга, которые в течение нескольких месяцев будут выступать в театре «Одеон», домах культуры парижских пригородов Бобиньи и Нантера и в Национальной консерватории драматического искусства. Главный участник русского сезона в Париже — Малый драматический театр Санкт-Петербурга — покажет пять спектаклей в постановке Льва Додина, среди них «Дом», «Братья и сестры» (по Ф. Абрамову), «Клаустрофобия».

Труппа Льва Додина на репетициях «Вишневого сада» в Карелии. Л. Додин — в центре.

Николь ЗАНД

«МОНД», ПАРИЖ.

ВОТ УЖЕ в третий раз за последние пять лет Малый драматический театр Санкт-Петербурга готовится к поездке во Францию. Гастроли продлятся пять месяцев и позволят французскому зрителю поближе познакомиться с многогранным обликом этой выдающейся труппы, которую в течение последних десяти лет возглавляет Лев Додин. Феномен 80-х годов, педагог и режиссер в одном лице, он создал труппу, объединявшую лучших учеников последнего выпуска театрального института — именно их мы два года назад видели в пьесе «Гаудеамус»,—и актеров, более пятнадцати лет работавших в Малом театре. Итак, это театр, в котором расцветает молодежь.

Их «дом» — это весьма элегантное здание начала века с колоннадой, расположенное неподалеку от Невского проспекта, с залом в 470 кресел темного бархата, с репетиционными комнатами, где 70 актеров без выходных занимаются акробатикой, танцем и пением. В этом доме думают о театре и творят театр. Здесь все кажется основанным на противоречиях, которые пытаются разрешить. Во главе — вездесущий мэтр, который почти для каждого из актеров был и учителем,— петербуржец Лев Додин. Он родился в 1943 году в Сибири, в городе Сталинске (позже переименованном в Новокузнецк), да еще и в Молотовском районе! Мать Додина, врач по профессии, перед войной последовала за мужем-геологом в экспедицию в Сибирь.

Первое, что бросается в глаза при входе в Малый театр,—это огромная фотография, на которой человек в наброшенном на плечи пиджаке бодро шагает мимо изб по деревенской улице. На стене вестибюля слева снова фотографии, но на этот раз с подписями, так что получается что-то вроде фильма с субтитрами, повествующего о жизни Федора Абрамова и его встрече с актерами театра. Такую же фотографию мы увидим в просторном кабинете главного режиссера Льва Додина. Вместе с небольшой фотографией Сахарова она единственное здесь украшение. Додин поставил по Абрамову «Братья и сестры» и «Дом», поэтому можно сказать, что в какой-то степени Абрамов был «отцом» Малого театра. Ситуация кажется парадоксальной, особенно, если учесть, что, казалось бы, ничто не могло связывать между собой русского крестьянского писателя, убежденного коммуниста, и беспартийного еврейского режиссера. И все же... При разных отцах они оба оказались привержены одним ценностям.

«Наш театр родился со спектаклем Абрамова, вернее, из спектакля Абрамова,— уточняет Лев Додин.— Наши с ним отношения были сложными, но именно он позволил нам объединиться, понять друг друга и создать труппу. Он дал нам услышать голос эпохи. В духовном плане постижение его произведений до сих пор остается для нас определяющим. Мы — дети времени, в котором происходит разобщение мира, в котором понятие человеческого братства становится темой анекдота, в котором мы постоянно оказываемся лишенными настоящего дома... Как художники мы хотим сохранить чувство семьи, хотим укрепить свой дом, и для нас это произведение — основополагающее. Ибо до сих пор в России невозможно в духовном смысле воздвигнуть собственный дом».

Федор Абрамов (1920—1983) почти не известен за пределами России, а ведь он считается одним из лучших писателей своего поколения, одним из создателей деревенской прозы 70-х годов, в которой нашел художественное воплощение мир советской деревни. Рассказывая о колхозах, колхозниках и власти, он тем не менее отрицал метод социалистического реализма. Родился писатель на Севере, в небольшой деревеньке неподалеку от Архангельска, Верколе. Добровольцем ушел на фронт, был тяжело ранен во время осады Ленинграда. В 1945 году вступил в компартию, был ее активным и убежденным членом, удостоен ордена Ленина, избран секретарем Союза писателей, преподавал в университете, но, несмотря на все это, постоянно оказывался в немилости у критиков, упрекавших его в «преувеличении негативных сторон», а жители его родной деревни в 1963 году направили открытое письмо в «Известия», в котором выражали недовольство рассказом «Вокруг да около». Они были возмущены, что писатель представил деревенских жителей как какую-то «галерею стариков, старух, пьяниц и бездельников — безнадежно жалких людей...».

Что же все-таки объединило интеллигента Льва Додина и мужика Федора Абрамова? Прежде всего талант. Еще в 1977 году Додин, преподававший тогда в Ленинградском театральном институте, решил отправиться с учениками в Верколу, чтобы на месте начать работу над постановкой «Братьев и сестер». «Я знал его только по книгам,—рассказывает Додин.— При чтении его произведений требовалось сделать над собой некоторое усилие, возвращаться к тексту снова и снова, чтобы наконец почувствовать его глубочайшую правду и тончайший лиризм, которые в жизни сам автор скрывал. Нам хотелось приехать к нему в деревню, и я послал гонца договориться о встрече. Сам я не смел обратиться к писателю — он был знаменитостью, а кроме того, принадлежал совсем к иному миру. Он нам отказал, но мы все-таки приехали и первые две недели не искали с ним встречи.

Он пришел сам. Наша труппа жила тогда в заброшенном монастыре. Мы проговорили восемь часов. Писатель записал свои впечатления об этой встрече в дневнике, который его жена опубликовала после его смерти. В нем он писал, что был потрясен, что открыл для себя новое поколение. Так завязалось наше знакомство, основанное на странной смеси взаимного притяжения и отталкивания. Почти по любому поводу у нас были разногласия. Впрочем, как это часто бывает с большими художниками, то, что он писал, было гораздо официальней того, что говорил. За 7 лет нашего знакомства писатель фантастически изменился. Впрочем, менялась и сама эпоха. Он все глубже ощущал трагедию советской действительности, все шире становилось его мировоззрение, все дальше он отходил от так называемой «деревенской» прозы, с которой раньше был тесно связан, и его прежние друзья не могли ему этого простить.

Когда вышел в свет роман «Дом», нападки на Абрамова посыпались со всех сторон. Официальная критика упрекала его в очернении советской действительности. Друзья же, писатели-«деревенщики», такие, как Распутин и Белов, не могли простить ему высказываний типа, что не только плохая власть лишила народ свободы, но и сам народ достоин той жизни, которую ведет. Абрамов всегда был против идеализации деревни. Его раздражало, когда при нем твердили, что только деревня является носительницей самых прекрасных, истинных и достойных уважения человеческих ценностей. Вот почему нас так притягивали книги Федора Абрамова».

Писатель на себе почувствовал все «прелести» борьбы с кулачеством. Родился он в большой и бедной семье. Отец рано умер, и тянуть семью пришлось старшему брату Михаилу — «простому колхознику», которому Федор Абрамов впоследствии посвятил многие свои произведения. Они трудились не покладая рук и наконец смогли купить несколько лошадей. Председателю колхоза тут же показалось, что они живут лучше среднего уровня, и лошадей отобрали. Потом он всю жизнь вспоминал этих лошадей. Ведь у него отобрали то, что было заработано собственными руками.

«Он был одним из возглавивших борьбу против космополитизма,—продолжает Додин,— и многие из-за этого имели на писателя зуб. Но время шло, и он менялся. Абрамов изучал религиозных философов: Булгакова, Флоренского, Соловьева, Шестова. И потом, он не был слепым и видел происходящее вокруг. Пару раз выходили специальные постановления Политбюро ЦК, направленные против его произведений: в 1963-м и в 70-е годы. Что касается романа «Дом», то ему было предложено внести «всего-навсего» 960 идеологических поправок!

Я возглавил этот театр после смерти Абрамова. Приехав с актерами на похороны в Верколу, мы именно там почувствовали, что наш долг — осуществить без купюр постановку «Братьев и сестер». Мы поняли, что не должны разлучаться».

Голосовал бы Абрамов за Жириновского, если бы был жив?

«Не думаю, хотя я ведь могу говорить только о «моем» Абрамове. Крайности иногда могут сходиться. Когда Абрамов спрашивал меня: «Каким образом вы, именно вы, смогли все это понять?», я отвечал ему: «Со стороны всегда виднее». Но, несмотря на все, что нас разъединяло, надо сказать, я ведь очень много ездил по России и очень люблю «глубинку». Не следует также забывать, что я вырос в коммунальной квартире, в которой проживало больше полусотни человек. Это тоже была своего рода деревня, только «на этаже».

Всю жизнь Федор Абрамов мечтал жить в родной деревне, в настоящем деревенском доме. Но до конца своих дней так и не получил клочка собственной земли. Как-то он нашел себе участок, но его забрал председатель колхоза. Тогда он решил построить дом в окрестностях Ленинграда. Но и это по каким-то причинам оказалось невозможным. И он написал этот роман о разрушении старого семейного очага, бывшего для него символом корней, символом семьи, символом земного рая. Однажды он сказал: «Мой дом — в душе».

В то время была мода на все древнерусское, а за границей Абрамова почему-то не переводили. Одновременно с публикацией «Дома» вышел в свет «Пожар» Валентина Распутина. В этом романе деревню сжигают чужаки, городские хулиганы, освобождая место для строительства плотины, причем вместе с деревней сносят и кладбище. «В романе «Дом» родовое гнездо разрушает сын. Не неизвестно откуда взявшийся еврей, а свой — сильный и красивый парень, целью жизни которого стало разрушение. И ничто его не останавливает. Почему разрушена наша страна? Почему сегодняшних зрителей так волнует этот спектакль? Потому что до сих пор нельзя построить дом, и только разрушить можно легко. Рвутся все связи — универсальный сюжет».

Сцена из спектакля «Клаустрофобия», созданного молодыми актерами под руководством Л. Додина. Декорации воспроизводят класс театрального института, а сюжет рассказывает о гастролях труппы со спектаклем «Гаудеамус» во Франции. Отсюда вопль души вернувшихся в родную страну: «Клаустрофобия!» Жить в атмосфере насилия, бедности, когда рушится система и рассыпается мораль, а тебе всего 20 лет... Неужели сегодня все больны этой болезнью!

В Малом театре заканчивается финальная сцена «Клаустрофобии». Вот уже монтируют другие декорации — для «Вишневого сада» — целый лес ненормально высоких, ничего не отражающих зеркал. Они должны выражать устремленность к мечте. На днях ожидается приезд Луи Паскаля, который будет репетировать на русском языке пьесу Бернара-Мари Кольтеса «Роберто Цукко». Актеры театра никогда еще не работали с другим режиссером. А в вестибюле ждут своей очереди охапки вишневых веток... ■